
К 300-летию Российской империи: историко-правовые вопросы исследования

Научная статья

Научная специальность

12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»

УДК 340 [(470)+(571)](091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.4.3>

ЭТНОЛОГО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОССИИ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА: ОПЫТ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ЛАМАИЗМА У ВОЛЖСКИХ КАЛМЫКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. ЧАСТЬ 1

© **Арзуманов И. А., 2021**

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

На примере формирования институтов ламаизма у волжских калмыков втор. пол. XIX в. рассмотрены историко-правовые и социокультурные аспекты межкультурной коммуникации в России. Анализируется методологическая корреляция процессов межкультурной коммуникации в условиях полифоничности правовой культуры Российской империи. Утверждается, что универсализм социологического (интегрального) дискурса юриспруденции определяет не только цивилизационную специфику правовой коммуникации как одной из форм коммуникации межкультурной, но и методологический корпус исследования, базирующийся на культур-антропологическом подходе и этнолого-правовой обусловленности. Отмечается, что междисциплинарный характер исследования обусловлен этноконфессиональной спецификой рассматриваемых процессов и предполагает обращение к теоретико-правовым, государствоведческим, социокультурным, религиоведческим дискурсам. На основе анализа положений первоисточников нормативных правовых актов, касающихся государственно-правового регулирования этноконфессиональной сферы в среде волжских калмыков и в целом в Российской империи второй половины XIX в., проводится сравнительный анализ процессов закрепления института майората у волжских калмыков и бурятских родов Восточно-Сибирского региона. Впервые в науке проведен анализ архивных документов, касающихся деятельности имперской администрации в сфере систематизации норм обычного права волжских калмыков и упорядочения процессов формирования региональных институтов ламаизма, являющихся примером культурно-правовой коммуникации между такими субъектами, как государство и этноконфессиональные сообщества. Рассматриваются некоторые аспекты социокультурных детерминант процессов увеличения численного количества ламаистского духовенства в среде волжских калмыков и проблем его правового регулирования. Делаются выводы о межцивилизационном характере правовой коммуникации, имплицитно направленной на ассимиляцию обычнo-правовой системы калмыков с целью включения их в общий строй узаконений империи.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, интегральное правопонимание, правовая коммуникация, империя, аккультурация, ламаизм, волжские калмыки.

ETHNOLOGICAL-LEGAL AND TECHNICAL-LEGAL ASPECTS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN RUSSIA OF THE IMPERIAL PERIOD: THE EXPERIENCE OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL STRUCTURING ON THE EXAMPLE OF THE FORMATION OF THE INSTITUTIONS OF LAMAISM AMONG THE VOLGA KALMYKS OF THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY. PART 1

© **Arzumanov I. A., 2021**

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

On the example of the formation of the institutions of Lamaism among the Volga Kalmyks II. floor. XIX century. the historical-legal and socio-cultural aspects of intercultural communication in Russia are considered. The methodological correlation of the processes of intercultural communication in the context of the polyphonic nature of the legal culture of the Russian Empire is analyzed. The universalism of the sociological (integral) discourse of jurisprudence determines not only the civilizational specifics of legal communications as one of the forms of intercultural communication, but also the methodological body of research based on the cultural-anthropological approach and ethnological-legal conditioning. The interdisciplinary nature of the study is due to the specificity of the ethno-confessional specifics of the processes under consideration and involves an appeal to theoretical and legal, state, socio-cultural, and religious discourses. Based on the analysis of the provisions of the primary sources of normative legal acts concerning the state and legal regulation of the ethno-confessional sphere among the Volga Kalmyks and in the Russian Empire as a whole in the first half of the 19th century, a comparative analysis of the processes of consolidating the institution of the majour in the Volga Kalmyks and Buryat clans of the East Siberian region is carried out. An example of cultural and legal communication between such subjects as the state and ethno-confessional communities are the results of the analysis of archival documents, for the first time introduced into scientific circulation, concerning the activities of the imperial administration in the sphere of systematizing the norms of customary law of the Volga Kalmyks and streamlining the processes of forming regional institutions of Lamaism. Some aspects of the socio-cultural determinants of the processes of increasing the number of Lamaist clergy among the Volga Kalmyks and the problems of its legal regulation are considered. Conclusions are made about the intercultural nature of legal communication, implicitly aimed at assimilating the customary legal system of Kalmyks in order to include them in the general system of legalizations of the empire.

Keywords: intercultural communication, integral legal thinking, empire, legal communication, acculturation, Lamaism, Volga Kalmyks.

Введение

Этнолого-правовые, технико-юридические¹ [12, с. 14–15; 13; 14, с. 15; 15] аспекты взаимодействия представителей различных правовых культур еще не становились предметом специального исследования в ракурсе теории межкультурной коммуникации и в методологической проекции положений коммуникативной теории права². Вопросы, связанные с междивизиационным характером общественных отношений в их макро- и микроприроде (межсоциально-групповой и межличностной) межкультурной коммуникации (далее – МКК), особенно остро встали в период XX в. Его наступление ознаменовало активизацию межкультурных контактов практически во всех сферах жизни и во всех регионах. Тезис идентичности культуры и коммуникации (*Culture is communication* [22, p. 119]), выдвинутый американским антропологом и лингвистом, основателем теории межкультурной коммуникации Э. Холлом, по сути, определил видение социально-гуманитарных форм не только глобальных, но и локальных коммуникативных процессов в качестве оценочного начала процессов изменения культуры. Определяя непосредственную, неформальную сторону социального межличностного, прежде всего, общения носителей разных традиций в ранге базового начала коммуникативной теории³, Э. Холл закладывает фундамент, на котором вполне успешно могут выстраиваться и современные рефлексии тео-

ретико-, а также этнолого-правового⁴ порядка с учетом их контекстной, антропо-культурологической обоснованности.

Культура является базовым элементом общей ценностной системы духовно-витальной детерминированности личности и социальных коммуникативных структур. Этническая опосредованность аксиологического ядра культуры имеет непосредственную религиозно-конфессиональную наполненность, выражающуюся в корпусе социальных норморегуляторов – мифов, традиций, обычаев, пластов обыденного сознания социальных манифестаций религиозно-конфессиональных доктрин. В данной части исследования проводится анализ, построенный на понимании того, что правовая культура Российской империи была полифоничной, многослойной по своей природе и включала разнообразные по своей религиозно-конфессиональной и социокультурной обусловленности нормативно-социальные пласты этнических культур⁵. Их включение в общий строй имперской правовой цивилизации России XIX в. было основной задачей в процессах осуществления государством своей интеграционно-идеологической функции вплоть до начала XX в.

Мы можем в качестве примера привести проблемы адаптации, имеющие безусловную этноконфессиональную детерминированность обычно-правовых систем российских немцев, латышей и эстонцев в Прибалтике к имперскому законодательству в работах Н. С. Андреевой [1], или проблемы, связанные с формированием правовой политики империи в условиях юридического плюрализма народов Северного Кавказа [16, с. 81–88], или специфику имперской правовой политики в Средней Азии [18, с. 202–206] и многие другие исследования. При всем многообразии примеров, отражающих пробле-

¹ Автор рассматривает технико-юридический фактор исследования с учетом понимания юридической техники в широком смысле, прежде всего, как фундаментальной характеристики юридической деятельности в «динамической» проекции в том числе в правотворческой и экспертно-консультационной деятельности, а не только в ее статистическом дискурсе как совокупности приемов, способов и средств создания юридических документов. Автор солидарен в этом контексте с мнением Н. А. Власенко, отмечающего: «Юридическая техника в любом случае не только связана, но и предопределена юридической деятельностью, что и должно явиться методологической основой ее понимания, а также условием установления связей со смежными категориями и понятиями. Юридическая деятельность в широком смысле представляет собой способ обеспечения правовых начал в обществе. Это корреспондирует с пониманием человеческой деятельности в философии, где она часто определяется как способ существования человека, как система материально-практических, интеллектуальных и духовных операций с целью воспроизведения себя» [8, с. 12].

² Содержание понятия «правовая коммуникация» как производного концепта интегрального правопонимания на современном этапе разрабатывается целым рядом ученых санкт-петербургской юридической школы, среди которых М. В. Антонов, А. В. Поляков, И. Л. Честнов и др. [2; 16; 17; 20]. Начало процессов было положено д-ром юрид. наук А. В. Поляковым, понимающим под правом коммуникативное взаимодействие, детерминированное правовым текстом.

³ Э. Холл отмечает: «Если человек действительно хочет внести вклад в изменение культуры, он должен выяснить, что происходит на неформальном уровне» [22, p. 118].

⁴ Используя в предметной спецификации данного исследования термин «этнология права», автор имеет в виду в том числе и его академический аналог – «юридическую антропологию» – научное направление и уже учебную дисциплину в ряде юридических школ в аспирантском уровне высшего образования. Ее предметом в конечном итоге стали обычно-правовые традиции «исторических» этносов. В данной части исследования автор не будет проводить структурно-функциональный анализ взаимосвязей антропо-правовых аспектов в контексте понятийно-категориального сопоставления: правовая этнология – межкультурная коммуникация – правовая коммуникация – это задачи 2-й части исследования. Но в качестве одних из многих примеров фундаментальной постановки вопроса этнолого-правового, антропо-юридического порядков можно привести исследования В. В. Бочарова «Неписанный закон: Антропология права», А. А. Шепталина «О роли юридической антропологии в изучении генезиса права и государства» и др. [6; 21].

⁵ Автор солидарен в этом отношении с Ю. А. Веденевым, отмечающим, что «...нормативность является онтологическим качеством социальной реальности. Разнообразие форм ее выражения – религиозная, художественно-эстетическая, морально-этическая, политико-правовая нормативность характеризует разнообразие социокультурных форм человеческого существования и общения» [7].

мы межкультурной коммуникации в правовой сфере в цивилизационном пространстве России имперского и современного периодов, отмечается необходимость в осмыслении взаимосвязи социологического дискурса юриспруденции со структурой правовой коммуникации в этноконфессиональной сфере общественных отношений; определении целевого, объект-предметного и субъектного параметров структуры правовой коммуникации с учетом этнокультурной специфики и правотворческой деятельности государства.

Методологические подходы

Базовым подходом, структурирующим весь блок методологии историко-правовой специфики исследования этноконфессиональных общественных отношений, будет выступать антропо-культурологический подход. Его интегральный характер предполагает использование корпуса принципов и приемов, характерных для любой фундаментальной науки, в том числе и для истории и теории государства и права. Среди принципов исследования в данной части исследования будут использоваться принципы объективности и историзма, позволяющие выстроить взгляд на исторические аспекты бытования общественных и государственно-правовых институтов в их непосредственной историко-культурной данности. Среди общенаучных методов исследования следует отметить логический, системный, структурно-функциональный [4, с. 44–63; 3]. Частные методы в данном случае подразумевают использование формально-догматического и сравнительно-правового с учетом эмпирической базы данного исследования, включающей как памятники права, так и архивные материалы из фондов Государственного архива Иркутской области (ГАИО), касающиеся процессов формирования нормативных основ государственно-правового регулирования бытования буддистских (ламаистских) институтов в среде волжских калмыков, проживающих на территории Астраханской губернии в рассматриваемый период [5; 9].

Основные результаты

Проблемы государственно-правового регулирования этноконфессиональной сферы общественных отношений в Астраханской губернии были связаны с процессами укоренения институтов буддизма (ламаизма) в среде автохтонов региона. Основной задачей для имперской администрации встала необходимость контроля над ростом количества ламаистского духовенства, чему в той или иной мере были посвящены как положения ряда нормативных правовых актов, так и непрекращающиеся с

этой целью административно-властные попытки усовершенствовать правовое регулирование данных процессов. К основным из нормативных правовых актов начала XIX в. необходимо отнести Устав «Об управлении инородцев» 1822 г. (далее – Устав 1822 г.)¹, Правила для управления Калмыцкого народа от 10 марта 1825 г. (далее – Правила 1825 г.)², Положение об управлении Калмыцким народом (далее – Положение 1847 г.)³, нормативные предписания которых постоянно подвергались переосмыслению в рамках правотворческих процедур с учетом динамики развития социокультурной ситуации.

Создание в целях усовершенствования законодательства специальных комиссий, сбор и анализ информации о процессах укоренения в автохтонной среде Астраханской губернии институтов ламаизма и связанных с этим возможных последствий для фискальной, внешней политики государства относятся к подготовительному этапу правотворческого процесса [19, с. 360–361]. Так, к полномочиям созданной при Департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Комиссии калмыцких дел⁴ относились не только вопросы рассмотрения и исправления древних законоположений калмыков с целью приспособления их к «общим правам» с дополнением недостатков из общероссийского законодательства⁵, но и сбор сведений для аналитики в процессах подготовки администрацией управленческих и правовых решений, носящий постоянный мониторинговый характер⁶. Например, Отношение (сопровождается Запиской об отношении буддийского духовенства к мирянам

¹ Об управлении инородцев : Высочайше утвержденный Устав // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. первое. Т. 38, № 29126. Тип. II отделения Собственной Его императорского Величества канцелярии. СПб. : 1830. Необходимо согласиться с мнением Р. Ш. Гарипова о том, что Устав 1822 г. является примером «правового плюрализма, не имевшего мировых аналогов», заложившего основы системы «государственной опеки с осязательными элементами самоуправления... для народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» [10].

² Правила для управления Калмыцкого народа : Высочайше утвержденные от 10 марта 1825 г. // ПСЗ РИ. Изд. первое. Т. 40, № 30290. СПб., 1885.

³ Положение об управлении Калмыцким народом : Высочайше утвержденное от 23 апр. 1847 г. // ПСЗ РИ. Изд. второе. Т. 22, ч. 1, № 21144. СПб., 1885.

⁴ Состоящая помимо чиновников губернского управления из депутатов со стороны калмыков – по одному из владельцев и духовенства, избираемых каждый из своей среды // Высочайше утвержденные Правила для управления Калмыцкого народа от 10 марта 1825 г. // ПСЗ РИ. Изд. первое. Т. 40, № 30290. СПб., 1885. § 10.

⁵ Согласно п. «а» § 27 решения принимались Комиссией по результатам предварительного совещания «с владельцами и лучшими из духовенства» // Высочайше утвержденные Правила для управления Калмыцкого народа от 10 марта 1825 г. // ПСЗ РИ. Изд. первое. Т. 40, № 30290. СПб., 1885. § 27, п. «а».

⁶ Вплоть до ограничения, отмены существующих положений, или управления в калмыцком народе // Высочайше утвержденные Правила для управления Калмыцкого народа от 10 марта 1825 г. // ПСЗ РИ. Изд. первое. Т. 40, № 30290. СПб., 1885. § 28, 29.

и к гражданской власти) министра внутренних дел С. С. Ланского¹ на имя генерал-губернатора Иркутской губернии Н. Н. Муравьева-Амурского² от 7 ноября 1857 г. (далее – Отношение) было сопровождено двумя проектами профессоров Санкт-Петербургского университета А. В. Попова (монголовед и калмыковед) и В. П. Васильева «Об устройстве ламайского духовенства». Сам текст Отношения отличается достаточно развернутым концептуальным анализом ситуации, сложившейся в связи с распространением ламаизма у волжских калмыков и проблемами государственно-правового регулирования численности духовенства. Граф С. С. Ланской, отмечая, что кочующие в Астраханской губернии калмыки принадлежат к одной вере «с единоплеменными им Бурятами... и что еще в давнее время между духовенством сего народа обнаружались беспорядки, которым в 1853 г. положены преграды у Бурят вверенного Вам края», фиксировал ситуацию «чрезмерного размножения числа духовных от без нужного поступления в сие звание мирян» как фактор явного ущерба материальному и нравственному благосостоянию большей массы населения. Последнее и побудило «правительство принять меры к возможному уменьшению числа калмыцкого духовенства»³. Сравнивая ситуацию с развитием ламаизма в Восточной Сибири и в Астраханской губернии граф С. С. Ланской отмечает далее, что в результате принятого в 1847 г. высочайше утвержденного штата, по которому на все кочующее население калмыков Астраханской губернии, положено было «1657 духовных, включая сюда гэцулов и манджиков, соответствующих Ламайским хуваракам и бандиям», положение в корне не изменилось. В изданном в 1853 г. Положении о ламаистском духовенстве Восточной Сибири закреплялось уменьшение духовенства «в гораздо большей степени чем у калмыков»⁴. Между тем, как далее отмечает граф С. С. Ланской в своем Отношении, «некоторые из наших ориенталистов, занимающиеся учеными исследованиями по части буддийской веры, признают возможность значительного сокращения нынешнего штата калмыцкого духовенства»⁵. По мнению С. С. Ланского, позиции двух экспертов расходятся в своих оценках, прогнозах и средствах достижения поставленной правительством цели: «Оба предлагают, как меру необходимую, сокращение числа Калмыцкого духовенства, но толь-

ко не в одинаковых размерах не с одинаковой целью. Первый, т. е. г. Попов, признавая нужным поставить Калмыцкое духовенство на лучшую степень в нравственном отношении, предлагает сократить число онаго, как средство к удобнейшему наблюдению за его состоянием. В сих видах он находит достаточным в больших хурулах уменьшить число духовных до 20, а в малых до 13, т. е. средним числом на каждый хурул по 16, менее против нынешнего штата на 8 человек; а как выше сказано, всех хурулов положено 67, то общая масса духовных уменьшилась бы 536 душами. Г. Васильев, напротив, видит в численном уменьшении духовенства постепенное средство к совершенному его уничтожению и предлагает это уменьшение в большем размере. Принимая в соображение, с одной стороны, ограничения, существующие в сем отношении в Китае и Монголии, а с другой – отсутствие в народе всякой существенной потребности в религиозных требах, встречаемых в других исповеданиях, г. Васильев признает совершенно достаточным на каждый улус положить по одному большому хурулу, а на каждый хурул не свыше 30 духовных, включая сюда Гэцулов и манджиков; при этом малые хурулы вовсе закрыть или же дозволить содержать оные, в виде исключения, некоторым главным гэлунгам больших Хурулов. Сим способом у калмыцкого народа осталось бы всего 9 хурулов, с 270 духовными, и сих последних более 1300 человек приступило бы в общую массу народонаселения»⁶. Обращая внимание графа Муравьева-Амурского на то, что калмыки исповедуют одну веру с бурятами, С. С. Ланской полагает, что «устройство их духовной части, в общих по крайней мере чертах, должно быть однообразно», и в этой связи просит графа дать оценку содержательной части имеющихся в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий заключений Попова и Васильева «в отношении мнений гг. Попова и Васильева о Ламайской вере вообще, так и о том, в какой степени предлагаемые ими меры могут соответствовать видам Правительства и быть приняты в уважение при дальнейшем устройстве духовной части последователей означенной веры»⁷.

В приведенном отрывке текста Отношения преимущественно констатировалась внешняя сторона ситуации, отражающая проблему распространения ламаизма и бесконтрольного увеличения численности ламаистского духовенства, а именно ухудшение «материального и нравственного благосостояния большей массы населения». Причинно-следственные связи и

¹ Министр внутренних дел Российской империи с 1850 по 1861 г.

² Служивший генерал-губернатором Восточной Сибири с 1847 по 1861 г.

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. Д. 32. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 32. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 3.

социальный механизм сложившейся ситуации отчасти раскрываются в прилагаемом министром внутренних дел экспертном заключении одного из представителей плеяды российских ориенталистов – профессора Санкт-Петербургского университета В. П. Васильева, в записке которого вскрываются некоторые элементы социального механизма, приведшего к ситуации роста численности духовенства и сопряженных с ним проблем осуществления фискальных функций государства. По мнению В. П. Васильева, буддийское духовенство интегрируется в массы не только посредством духовного родства (через складывающийся круг почитателей и «милостынедателей» ламы), но и посредством кровного родства: «У кого в семействе нет родственника – ламы!», приводя далее, в качестве примера, ситуацию в Монголии: «...когда у Монгола два сына он норовит непременно сделать одного Ламой».

Встает вопрос: почему такое положение складывалось как в России, так и в находящейся под протекторатом Китайской империи Монголии, к сравнению с которой постоянно прибегает В. П. Васильев? Если проводить сравнительный анализ с аналогичной ситуацией в бурятских родах, регулируемой Положением о ламайском духовенстве в Восточной Сибири 1853 г., то, в частности, согласно § 38 данного Положения, все штатное духовенство освобождается от всех повинностей. § 39 этого же Положения закреплен запрет для ламайского духовенства иметь отдельную собственность, и содержаться в связи с этим они должны за счет добровольных пожертвований мирян в дацаны¹, а также за счет добровольной платы мирянами за исполнение ламами духовных треб вне дацана (§ 47 Положения 1853 г.) [11, с. 60–61]. В. П. Васильев отчасти характеризует данное положение с точки зрения религиозно-доктринального обоснования, отмечая при этом, что «нет лучшего подаяния как чествование духовенства и еще лучше: – доставление способа духовным в их занятиях; из этих пожертвований самое лучшее то, которое направлено именно к тому, чтобы доставить другому средства сделаться духовным. Постигание сопряжено бывает с известными расходами; бедный человек не может добыть нужный

для монаха скарб; в этом случае он должен найти зажиточного светского человека»².

В этой связи встает вопрос о двух гранях социального механизма, лежащего в основе процессов увеличения количества ламского духовенства, с трудом поддающихся контролю со стороны администрации и явившихся предметом правового регулирования в рассматриваемом Отношении министра внутренних дел графа С. С. Ланского на имя генерал-губернатора графа Н. Н. Муравьева-Амурского. «Плата за требы вне стен дацана» (хурула) была довольно затратной для простых ойратов. Достаточно показательными в этом отношении являются сведения, приводимые чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел В. Васькевичем. В его обзоре «Ламаиты в Восточной Сибири» [Там же, с. 29–65] приводились сведения из отчета чиновника Иркутской генерал-губернаторской канцелярии Успенского, в 1841 г. инспектировавшего по поручению Министерства внутренних дел Забайкалье. Он, в частности, указывал, что «...злоупотребления моноголо-бурятских лам еще более усилились, заметно подрывая благосостояние инородцев». В качестве аргументов Успенский приводил следующее: «...во время собраний лам при дацанах на хуралы (собрания. – И. А.), совершаемые ежемесячно, празднества эти устраиваются на счет окрестных инородцев, которые с этой целью разделяются своими старшинами на десятки, и обязаны поочередно доставлять в дацаны известное количество скота, хлеба и другой провизии, не исключая вина и денег, ежедневно от 10–20 рублей» [Там же, с. 29–65]. Как и в случае ситуации, сложившейся в Монголии, Забайкалье и в Астраханской губернии у волжских калмыков, чтобы избежать этих трат, семьи ойратов старались одного из сыновей посвятить в ламы. В случае его поступления в штат он освобождался от всех повинностей (которые, впрочем, распределялись по решению родового общества между всеми его членами. Последнее также являлось обременительным и вело к проблемам осуществления государством фискальных функций по сбору податей и земских вы-

¹ Дацанами называются буддийские монастыри в Бурятии и Монголии. Как отмечает В. П. Васильев, «в России у бурят такие монастыри, как и на всем востоке, представляются значительные постройки, потому что кроме храмов тут находятся и кельи для монахов. У Калмыков таким монастырям соответствует название большой хурул; а малый же хурул должен представлять собой нечто другое, как частное жилище ламы, окруженного своими учениками» // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 32. Л. 10 об.

² В. П. Васильев парадоксальным образом считает уменьшение количества лам и, как следствие, увеличение их содержания за счет мирян фактором, способным в будущем дискредитировать ламаистское духовенство в глазах народа, что, по его мнению, и повлечет конечное исчезновение: «Итак, ограничение числа духовных, по нашему мнению, имеет в виду первую главную цель: – избавлению народа от тунеядцев... живущих на чужой счет. Другая цель заключается в том, что меньшинство духовных уменьшит их влияние, и это влияние тем будет слабее, что небольшое количество лам, пользуясь богатыми приношениями, не сдерживаемое никакими предписаниями, не обладая никакими знаниями, скорее всего уронит себя в глазах народа – тогда можно будет подумать и о конечной мере – уничтожении всех лам» // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 32. Л. 8. 12, 12 об.

плат). Таким образом, зачисление ламы в штат было важным фактором для экономики семьи, поскольку выполнение ламой треб для сородичей в той или иной мере облегчало общую для конкретной семьи финансовую нагрузку по содержанию ламаистского духовенства. В этом случае, как пишет далее В. П. Васильев, «...за светским сыном остается имение, за духовным способ жить за чужой счет. Лама ревнует не об обращении в свою веру прозелитов, он хлопочет о том, чтобы наделать больше духовных, это будут его ученики, а чем больше у него учеников, тем больше будет известности, тем больше будет милостынедателей. Множество учеников нужно для ламы не столько для спасения погибших душ, не по религиозному требованию, но из материальных выгод»¹. Аналог сложившейся ситуации с Монголией приводится В. П. Васильевым и в случае положения лам, не входящих в штатное расписание. Ссылаясь на положения китайского законодательства о правовом статусе ламаистского духовенства, эксперт-ориенталист пишет²: «В Китае, где буддийская религия может, однако же считаться господствующей, никто не смеет посвятить в духовное звание того, кто не получил от гражданского начальства на это диплома; никто из посвященных не имеет права иметь более одного ученика. В Монголии³ число лам т. е. посвященных ограничено также законом, ограничено даже число кумирен; но последних обыкновенно полагается по одной на улус; и нигде кумирня не может быть выстроена без позволения гражданского начальства»⁴. В Монголии, как пишет далее В. П. Васильев, если лама не входил в расписанный имперской администрацией Китая штат, то он «...несет все повинности, наравне с простолюдином, он платит, или за него платят, оброк владельцу, он не избавляется от военной службы, от командировки на станцию, на работу»⁵. Что касается замечания о том, что «за светским сыном остается имение», то сам В. П. Васильев касательно положения дел у волжских калмыков отмечает, что «это своего рода средство поддержания майоратства»⁶.

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 32. Л. 8.

² Вопрос о влиянии китайского законодательства, регулирующего правовой статус тибетского духовенства после завоевания Тибета маньчжурами, на процессы формирования аналогичных нормативных положений в Российской империи, еще требует дальнейшего изучения с позиций правовой аккультурации и теории межкультурной коммуникации. См.: Уложение Китайской палаты внешних сношений / пер. с маньчжурского С. Липовцова. СПб., 1828. Т. 1–2. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1820-1840/Uloz_kit_pal_vnes_snos/text41.htm (дата обращения: 04.09.2021).

³ Находящейся, как и Тибет, под протекторатом Китайской цинской империи.

⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 32. Л. 10 об.

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ Там же. Л. 8.

Достаточно показательным, для иллюстрации динамики нормативного закрепления специфики майората (как института обычного права) в связи с поступлением одного из сыновей в число ламского духовенства, является анализ нормативных правовых актов, регулирующих процессы управления калмыцким народом. Так, Положением 1847 г. майорат как институт вообще не подразумевается и не закрепляется законодателем. По смыслу содержания ст. 16 имеется в виду простая передача наследственной массы наследникам без упоминания фактора поступления одного из наследников в ламское достоинство⁷. Но в 1853 г. В. П. Васильев в своей экспертной записке уже пишет о складывающейся традиции корректировки майората под влиянием укоренения ламаизма у волжских калмыков, а в 1876 г. в Своде законов о состояниях ст. 927 закрепляется произшедшая корректировка института майората в связи с переходом в духовное состояние одного из членов семьи⁸. Таким образом, можно сделать вывод о влиянии складывающихся правовых обычаев наследования лиц, принадлежащих к числу ламаистского духовенства, на формирование корпуса норм, регулирующих правовой статус инородцев как в Восточной Сибири, так и в Астраханской губернии. Непосредственную роль в данных процессах, безусловно, сыграла производимая в рамках технико-юридических аспектов подготовки изменений в законодательстве экспертная деятельность специалистов, чиновников. То, что ситуация с трансформацией правовых обычаев наследования в связи с ламаизацией автохтонов в буддийских регионах была не однозначной, можно судить по сведениям из упомянутого отчета В. Вашкевича. В нем отмечалось, что помимо различных сборов и платы за лечение больных и пр. «...разоряет инородцев существующее издавна на практике особое для лам право наследства, в силу которого каждый посвященный в ламское звание получает после отца большую сравнительно с прочими наследниками часть движимого его имущества и лучший участок земли, которые не возвращаются уже в род, а по смерти владель-

⁷ «После смерти калмыков, право наследования их имуществом переходит к детям их, а за неимением детей, к ближайшим родственникам, по общим законоположениям; если дети будут малолетние, то до возраста их, над их имением учреждается опека из ближайших родственников» (Высочайше утвержденное Положение об управлении Калмыцким народом от 23 апреля 1847 г. // ПСЗ РИ. Изд. второе. Т. 22, ч. 1, № 21144. СПб., 1885. Ст. 16).

⁸ «Улусы, управляемые нойонами-владельцами, и родовые аймаки, в также семейства Калмыков, находящиеся у владельцев, в случае смерти владельцев, или поступления их в духовное звание, не подлежат разделу между наследниками, но переходят, без раздробления, к старшему в роде» // СЗРИ Т. 9. Законы о состояниях Кн. 1 Отд. 1. О правах Калмыков. Издание 1876 г. СПб. Ст. 927.

ца – ламы переходят к состоящим при нем в качестве прислуги и обреченным в духовное звание побочным его сыновьям или же поступают в собственность кумирен» [11, с. 46]. Необходимо в этой связи отметить, что ко времени рассматриваемых событий в среде волжских калмыков ситуация у бурят Забайкалья, даже несмотря на укоренение упомянутого права наследования в 1853 г., была урегулирована. Законодатель § 39 и 47 Положения о ламайском духовенстве в Восточной Сибири внес коррективы в существующий правовой обычай. Так, § 39 закреплялось положение о том, что ламаистское духовенство, согласно «догматам их веры» не только не может иметь отдельной собственности, но и обязано жить безбрачной жизнью¹. А в основном на положениях § 39 § 47 дается уточнение, что ламы, как и, собственно, дацаны, должны содержаться за счет добровольных приношений мирян и добровольных же (а не вынужденных) плат за «исполнение духовных треб вне дацана» [Там же, с. 60–61].

Выводы

Подводя предварительные итоги проведенного анализа историко-правовых и социокультурных факторов межкультурной коммуникации в России имперского периода, необходимо констатировать:

1. Межцивилизационный характер правовой коммуникации, имплицитно направленной на включение обычно-правовой системы волжских калмыков, находящихся на стадии родоплеменной организации, в общий строй узаконений империи.

2. Универсализм социологического (интегрального) дискурса юриспруденции определяет не только цивилизационную специфику правовой коммуникации как одной из форм коммуникации межкультурной, но и методологический корпус исследования, базирующийся на культур-антропологическом подходе и этнолого-правовой обусловленности рассматриваемых процессов.

3. Влияние социокультурной практики укороения ламаизма на становление не только обычно-правовой сферы, но и имперского законодательства проявляется в корректировке института майората у волжских калмыков.

4. Проблемы количественного роста ламаистского духовенства как фактор государственно-правового регулирования обусловлены социально-экономической природой существования семей волжских калмыков, заинтересо-

ванных в наличии представителя своего рода в числе штатного духовенства, в силу облегчения бремени финансово-экономического обеспечения культово-обрядовой практики ламаизма и оплаты за совершенные требы в связи с имеющимся в семейно-родовой среде «собственным» представителем ламаистского духовенства.

5. Производимая в рамках технико-юридических аспектов подготовки изменений в законодательстве экспертная деятельность специалистов, чиновников явилась детерминирующим фактором как законодательных новелл, так и трансформации правовых обычаев инородцев, касающихся наследственных прав лиц, принадлежащих к ламаистскому духовенству. 52

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Н. С. «Остзейский вопрос» во внутренней политике российского правительства (начало XX в.). URL: <https://www.jstor.org/stable/20174659> (дата обращения: 08.10.2021).
2. Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 78–95.
3. Арзуманов И. А. Государственное регулирование этноконфессиональных общественных отношений в России в XIX–XXI вв. (на примере Байкальского региона) : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 428 с.
4. Арзуманов И. А. Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений : общетеоретический анализ : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 235 с.
5. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1991. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Vicurin/Oirat/frametext2.htm> (дата обращения: 01.10.2021).
6. Бочаров В. В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование. 2-е изд. СПб : АИК, 2013. 328 с.
7. Веденеев Ю. А. Правовая реальность: онтология и эпистемология // Lex Russica. 2015. № 5. С. 7–22. URL: http://lexrussica.ru/articles/article_101470.html (дата обращения: 08.10.2021).
8. Власенко Н. А. Нормотворческая юридическая техника. М. : Юстициформ, 2013. 310 с.
9. Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX. Документы и материалы. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х гг. – 60-е гг. XVIII в. / отв. ред. А. С. Рязев; сост.: С. В. Джунджузов, А. С. Рязев, А. В. Тепикин, Л. Б. Четырнова. Ростов н/Д. : ЮНЦ РАН, 2011. 320 с.
10. Гарипов Р. Ш. Устав «Об управлении инородцев» 1822 г. // История государства и права. 2010. № 23. С. 10–12.
11. Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века (Россия и сопредельные страны). СПб. : Наука, 1998. 341 с.
12. Кашанина Т. В. Юридическая техника в сфере частного права (корпоративное и договорное нормотворчество) : учеб. пособие. М. : Норма, 2009. 288 с.
13. Костюнина О. В. Предметные факторы правовой и антикоррупционной экспертиз как средства выявления коррупционных рисков // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 3. 2019. С. 45–51.
14. Костюнина О. В. Юридическая техника : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 135 с.
15. Першиц А. И. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. 1998. № 1 С. 81–88. URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/606/842/1216/008pershits.pdf> (дата обращения: 08.10.2021).
16. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. ... д-ра

¹ И как следствие, не иметь наследников. Отсюда и претензии к нравственной стороне жизни лам, отмечаемой в экспертном заключении В. П. Васильева // ГАИО. 24. Оп. 9. Д. 32. Л. 12.

юрид. наук. СПб., 2002. 94 с. URL: http://www.pravobooks.ru/pravolibraryfree/1103.html#.YVa_OGYzZQI (дата обращения: 01.10.2021).

17. Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права : учебник. СПб. : Изд-во Юридического факультета СПбГУ, 2015. 472 с.

18. Почекаев Р. Ю. Императоры и ханы: Личностный фактор правовой политики Российской Империи в Центральной Азии XVIII – нач. XX в. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Высшая школа экономики, 2017. 384 с.

19. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2008. 571 с.

20. Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 2 (241). С. 4–16.

21. Шепталин А. А. О роли юридической антропологии в изучении генезиса права и государства // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-yuridicheskoy-antropologii-v-izuchenii-genezisa-prava-i-gosudarstva> (дата обращения: 01.10.2021).

22. Hall E. T. The silent language. Doubleday & Company, Inc., Garden City, New-York, 1959. 242 p.

REFERENCES

1. Andreeva N.S. «Ostzejskij vopros» vo vnutrennej politike rossijskogo pravitel'stva (Nachalo HKH v.) [«The Ostsee question» in the domestic policy of the Russian government (the beginning of the twentieth century)]. Available at: <https://www.jstor.org/stable/20174659> (date of access: 10.08.2021). (in Russian).

2. Antonov M.V., Polyakov A.V., Chestnov I.L. Kommunikativnyj podhod i rossijskaya teoriya prava [Communicative approach and Russian theory of law]. *Izvestiya Vuzov. Pravovedenie* [Bulletins Universities. Jurisprudence], 2013, no. 6 (311), pp. 78-95. (in Russian).

3. Arzumanov I.A. Gosudarstvennoe regulirovanie etnokonfessional'nyh obshchestvennyh otnoshenij v Rossii v XIX-XXI vv. (na primere Bajkalskogo regiona) : monografiya [State regulation of ethno-confessional social relations in Russia in the XIX-XXI centuries. (on the example of the Baikal region): monography]. Irkutsk, ISU Publ., 2014, 428 p. (in Russian).

4. Arzumanov I.A. Problemy gosudarstvennogo regulirovaniya etnokonfessional'nyh otnoshenij: obshcheteoreticheskij analiz : monografiya [Problems of state regulation of ethno-confessional relations: general theoretical analysis: monograph]. Irkutsk, ISU Publ., 2019, 235 p. (in Russian).

5. Bichurin N.Ya. Istoricheskoe obozrenie ojratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni [Historical review of the Oirats or Kalmyks from the 15th century to the present] Elista, Kalmyk book Publ., 1991. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Oirat/frame2.htm> (date of access: 01.10.2021). (in Russian).

6. Bocharov V.V. Nepisanyj zakon: Antropologiya prava. Nauchnoe issledovanie. 2-e izd [The Unwritten Law: Anthropology of Law. Scientific research. 2nd ed]. Saint Petersburg, AIK Publ., 2013, 328 p. (in Russian).

7. Vedenev Yu.A. Pravovaya real'nost': ontologiya i epistemologiya [Legal reality: ontology and epistemology]. *Lex Russica* [Lex Russica], 2015, no. 5, pp. 7-22. Available at: http://lexrussica.ru/articles/article_101470.html (date of access: 08.10.2021).

8. Vlasenko N.A. Normotvorcheskaya yuridicheskaya tekhnika [Normative legal technique]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2013. 310 p. (in Russian).

9. Volzhskie stavropolskie kalmyki: seredina 30-h gg. XVIII v. – pervaya polovina XIX. Dokumenty i materialy. T. 1. Stavropolskoe kalmyckoe vojsko v seredine 30-h gg. – 60-e gg. XVIII v. [Volga Stavropol Kalmyks: mid-30s. XVIII century – the first half of the XIX. Documents and materials. Vol. 1. Stavropol Kalmyk army in the mid-30s. XVIII century] comp. S.V. Dzhundzhuzov, A.S. Ryazhev, A.V. Tepikin, L.B. Chetyrova. Rostov-na-Donu, YSC RAS Publ., 2011, 320 p. (in Russian).

10. Garipov R.Sh. Garipov R.Sh. Ustav “Ob upravlenii inorodcev” 1822 g. [Charter “On the management of foreigners” 1822]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2010, no. 23, pp. 10-12. (in Russian).

11. Ermakova T.V. Buddijskij mir glazami rossijskikh issledovatelej XIX – pervoj treti XX veka (Rossiya i sopredel'nye strany) [The Buddhist world through the eyes of Russian researchers of the 19th – first third of the 20th century (Russia and neighboring countries)]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1998, 341 p. (in Russian).

12. Kashanina T.V. Kashanina T.V. Yuridicheskaya tekhnika v sfere chastnogo prava (korporativnoe i dogovornoe normotvorchestvo) [Legal technology in the field of private law (corporate and contractual rule-making): textbook. allowance]. Moscow, Norma Publ., 2009. 288 p. (in Russian).

13. Kostyunina O.V. Predmetnye faktory pravovoj i antikorrupcionnoj ekspertiz kak sredstva vyavleniya korrupcionnyh riskov [Subject factors of legal and anti-corruption expertise as a means of identifying corruption risks]. *Yuridicheskij vestnik samarskogo universiteta* [Legal Bulletin of Samara University], 2019, vol. 5, no. 3. 2019, pp. 45-51. (in Russian).

14. Kostyunina O.V. Yuridicheskaya tekhnika [Legal technology: textbook. allowance]. Irkutsk, ISU Publ., 2013, 135 p. (in Russian).

15. Pershits A.I. Yuridicheskij pluralizm narodov Severnogo Kavkaza [Legal pluralism of the peoples of the North Caucasus] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1998, no. 1, pp. 81-88. Available at: <https://ecsocman.hse.ru/data/606/842/1216/008pershits.pdf> (date of access: 10.08.2021). (in Russian).

16. Polyakov A.V. Kommunikativnaya koncepciya prava (genезis i teoretiko-pravovoe obosnovanie). dis. ... d-ra yurid. nauk [Communicative concept of law (genesis and theoretical and legal basis). Cand. sci. diss.], Saint Petersburg, 2002. 94 p. Available at: http://www.pravobooks.ru/pravolibraryfree/1103.html#.YVa_OGYzZQI (date of access: 01.10.2021). (in Russian).

17. Polyakov A.V., Timoshina E.V. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Saint Petersburg, Faculty of Law Publ., St. Petersburg State University, 2015. 472 p. (in Russian).

18. Pochekaev R.Yu. Imperatory i hany: Lichnostnyj faktor pravovoj politiki Rossijskoj Imperii v Central'noj Azii XVIII – nach. XX v. [Emperors and Khans: The personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia XVIII – early. XX century]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2017. 384 p. (in Russian).

19. Pjanov N.A. Konsultacii po teorii gosudarstva i prava : ucheb. posobie [Consultations on the theory of state and law: textbook. allowance]. Irkutsk, ISU Publ., 2008. 571 p. (in Russian).

20. Chestnov I.L. Pravoponimanie v epohu postmoderna [Legal understanding in the postmodern era]. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Bulletins universities. Jurisprudence], 2002, no. 2 (241), pp. 4-16. (in Russian).

21. Sheptalin A.A. O roli yuridicheskoy antropologii v izuchenii genезisa prava i gosudarstva [On the role of legal anthropology in the study of the genesis of law and state]. *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu* [Electronic supplement to the Russian legal journal], 2016, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-yuridicheskoy-antropologii-v-izuchenii-genezisa-prava-i-gosudarstva> (date of access: 01.10.2021). (in Russian).

22. Hall E.T. The silent language. Doubleday & Company, Inc., Garden City, New-York, 1959. 242 p. (in English).

Статья поступила в редакцию 11.05.2021; одобрена после рецензирования 29.09.2021; принята к публикации 01.12.2021

Received on 11.05.2021; approved on 29.09.2021; accepted for publication on 01.12.2021

Арзуманов Игорь Ашотович – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1), ORCID: 0000-0003-3216-7107, e-mail: arzumanov@mail.ru

Arzumanov Igor Ashotovich – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0003-3216-7107, e-mail: arzumanov@mail.ru